

УДК 34:004.896

DOI: 10.34670/AR.2023.37.28.030

Основные принципы правового регулирования и этического нормирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации робототехники

Матвеева Дарья Михайловна

Аспирант,
Институт права,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: dm_552.snow@mail.ru

Аннотация

Закон и мораль являются двумя нормативными системами, которые контролируют и регулируют социальное поведение, которое может быть сформулировано как по крайней мере частично независимое. В правовой системе позитивные и осуществимые стандарты поведения направляют сообщество, предотвращая конфликты и стимулируя желательное поведение, и предлагают критерии второго порядка для выявления, изменения и обеспечения соблюдения указанных правил. Напротив, мораль состоит из тех принципов, которые общество считает уместными для проведения различия между правильным и неправильным, и предлагает кодекс поведения, действительный независимо от того, что юридически принято. Конечная связь между этими двумя областями представляет собой один из старейших и основных вопросов в юриспруденциальных исследованиях. Предмет исследования: основополагающие базовые принципы регулирования робототехники. Цель работы: необходимо сформулировать основные принципы правового регулирования и этического нормирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации робототехники. Методология проведения работы заключается в обзоре научных трудов, сравнении научных подходов к изучаемой области и систематизации выводов и результатов, полученных в ходе изучения этих трудов. Результаты работы заключаются в формулировке основополагающих принципов, необходимых для создания правовой базы, регулирующей данную сферу. Область применения результатов находится в поле регулирования робототехники, искусственного интеллекта. Наиболее важным аспектом правового регулирования в исследуемой сфере является формирование принципиальной основы этого процесса, то есть агломерата принципов, способных заложить верную фундаментальную основу взаимодействия человека и умных машин.

Для цитирования в научных исследованиях

Матвеева Д.М. Основные принципы правового регулирования и этического нормирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации робототехники // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 229-239. DOI: 10.34670/AR.2023.37.28.030

Ключевые слова

Регулирование робототехники, принципы регулирования робототехники, особенности правового регулирования робототехники, робототехника, право.

Введение

Говоря о научной разработанности темы, следует отметить, что менее всего вопросы феноменов робототехники и искусственного интеллекта проработаны именно с юридической точки зрения, есть немного работ в отечественной науке, посвященных этому вопросу. При этом в зарубежной литературе (прежде всего англоязычной) эта тематика проработана гораздо больше, нежели в отечественной.

В отечественной литературе вопросы интерпретации понятий «искусственный интеллект», «робототехника», описание существенных признаков данных феноменов нашли отражение в работах: Васильева А.А., Архипова В.В. и др.

Вопросы правосубъектности искусственного интеллекта и робототехники освещены в трудах: Наумова В.Б., Шпопер Д. и др.

Аспекты правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники в контексте страхового права, права интеллектуальной собственности, патентного права освещены в работах: Наумова В.Б., Гороховой С.С. и др.

Правовые последствия (ответственность) за действия юнитов искусственного интеллекта и роботов описаны в работах: Поповой А.Г., Азнагуловой Г.М.

Правовые и этические аспекты регулирования искусственного интеллекта и робототехники нашли отражения в работах иностранных авторов: Marmor A., Sarch A.S., Kurki V., Bertolini A., Balkin J.M., Endicott T., Gutman M., Rathgeber B., Syed T., Dignum V. и других.

Концептологические основания исследования

Позитивистские теории утверждают, что правовая нормативность автономна и отличается от морали, и ее действительность не зависит от ее содержания [Green, Adams, 2019]. Натуралистические теории, напротив, утверждают, что закон и мораль взаимозависимы и что для регулирования социального поведения, закон должен иметь моральное содержание [Finnis, 2020].

Тем не менее, даже самые крайние теоретики-натуралисты признают, что моральная значимость вопроса сама по себе не может считаться источником юридической нормативности, и выведение одного из другого было бы серьезной ошибкой. Это не означает, что моральные соображения не играют никакой роли в правовой сфере, а скорее то, что они должны быть контекстуализированы в пространстве, приписываемом им правовой системой. Возникает вопрос: как правовая система «решает», как квалифицировать различные субъекты? [Calo, 2015].

Регулирование и правовые реформы, в частности, могут основываться на двух разных подходах [Bertolini, 2014].

Согласно «онтологической» или «эссенциалистской» перспективе, субъекты имеют четкую правовую квалификацию, основанную на присущих им особенностях, что, в свою очередь, определяет применимые правовые нормы. В соответствии с таким нарративом нам, возможно, придется принять новые правила или изменить существующие, когда объект регулирования (в

данном случае робототехника) настолько отличается от того, что мы регулировали до сих пор (другие, менее продвинутые формы технологии), что требуется четкая юридическая квалификация. В нынешних дебатах такая позиция утверждает о необходимости разработки альтернативной и потенциально промежуточной категории между субъектами и объектами права [Haselager, 2005].

Первое понятие охватывает те, которым в рамках правовой системы приписываются права, второе - те образования, на которых настаивают права и которые осуществляются первыми. Однако в таком определении двойственность альтернативы представляется логически необходимой до такой степени, что промежуточная категория была бы совершенно немыслима и бесполезна в технической юридической перспективе.

То обстоятельство, что закон рассматривает некоторые субъекты, такие как корпорации, обладающие правами в интересах данного правоотношения, в то время как в других рассматривает их как объекты, на которые распространяются права, просто означает, что различие между субъектом и объектом может зависеть от различных юридически значимых обстоятельств и не приводит к существованию промежуточной категории [Calo, 2015].

Если это верно с онтологической точки зрения, то функциональная имеет совершенно другой подход. Действительно, последняя утверждает, что правовые рамки должны разрабатываться в соответствии с их адекватностью при выполнении возложенных на них функций, а также более широкими последствиями, вытекающими из этого. С этой точки зрения, конкретная правовая квалификация и применимые к ней правила должны быть приняты на основе желательности социальных, правовых и экономических последствий, которые они вызывают [Bertolini, 2014; Balkin, 2015].

Правовые системы обычно работают на сочетании двух подходов: существуют специфические признаки, которые оправдывают квалификацию субъекта как юридического субъекта, и, кроме того, специальная субъективность иногда предоставляется по функциональным причинам. Независимо от того, являются ли они «юридической фикцией» или просто выражением нормативной власти правовой системы по признанию прав и обязанностей, важно то, что эти два подхода вполне могут сосуществовать.

Постановка проблемы

При обсуждении проблем и возможностей, вызванных робототехникой, в игру вступают как экономические, юридические, этические, философские, так и инженерные соображения, что приводит к дебатам по объединению методологической и аналитической основы гетерогенных дисциплин. Тем не менее, экономисты, инженеры, философы и юристы могут использовать термины, которые имеют как общее, техническое понимание, так и то, которое свойственно их собственному предмету. Поэтому инженеры или юристы могут говорить об автономии для обозначения других качеств, чем те, которые философы понимают, как связанные с указанным понятием [Haselager, 2005]. Это представляет собой случай семантической двусмысленности. Как значение понятия, так и условия его использования зависят от контекста, в котором используется последнее, так что передача понятия из одного контекста в другой представляет собой процесс «семантического расширения», что может привести к существенной путанице [Waldron, 1994].

Во многих исследованиях по правовым рассуждениям и лингвистической неопределенности подчеркивается [Endicott, 2000], неясная и недостаточно конкретная терминология, которая

может поставить под угрозу приемлемость гарантий, используемых для подкрепления конкретного аргумента, что, в свою очередь, влияет на правильность общей претензии [Toulmin, 1964].

Как социальный конструкт определение и присвоение правосубъектности подвержено историческим и культурным изменениям. Действительно, события двадцать первого века, такие как поднятие экологической и животной озабоченности, а также искусственный интеллект и корпоративная индивидуальность, заставили нас критически рассмотреть, кто или что является «человеком» в соответствии с законом и как возникло наше понимание юридической личности [Kurki, 2019].

В современной правовой традиции «ортодоксальный взгляд» [Waldron, 1994] рассматривает правовую субъективность или личность как способность занимать юридические позиции, такие как права и обязанности.

Правоспособность не является исключительной чертой человека: нечеловеческим образованиям, таким как корпорации и ассоциации, разрабатывающие робототехнику, может быть предоставлена общая правоспособность, таким образом, чтобы быть способными нести те права и обязанности, которые не требуют, чтобы владелец был человеком (исключая, например, те, которые возникают из брака). Таким образом, организации, разрабатывающие робототехнику, могут квалифицироваться как «лица» и рассматриваться как автономные и отделенные от физических лиц, владеющих ими и управляющими, хотя в исключительных случаях завеса раздела активов может быть снята, что делает акционеров лично ответственными за долги корпорации [Krakman et al., 2017].

Также на данный момент ИИ не хватает когнитивных навыков [Gutman, Rathgeber, Syed, 2012], и вряд ли, по крайней мере в ближайшем будущем, они смогут правильно понять моральное значение своих поступков.

Несмотря на попытки исследователей «спроектировать искусственные агенты, чтобы они действовали так, как если бы они были моральными агентами» и сделать их чувствительными к «ценностям, этике и законности деятельности» [Lanzarone, Gobbo, 2008], возникает ряд проблем: первая заключается в самом определении этических принципов, которые должны быть закодированы, по которым, вероятно, будут найдены разногласия; вторая связана с двусмысленностями, связанными с использованием естественного языка, что может привести к разрывам и несоответствиям между тем, что робот должен делать, и тем, что дизайнер на самом деле намеревался ему сделать, поскольку перевод нормативных утверждений в строки команд не является тривиальным; третий скорее связан со своеобразным функционированием этических норм, а также многих правовых норм, которые не применяются раз и навсегда, но могут быть подвержены конфликтам, исключениям и балансированию, требующим процессов приоритизации и оценки соразмерности, которые далеко не так легко заранее определить, чтобы быть жестко закодированными в машине.

Иначе говоря, машины, безусловно, могут выполнять действия, которые, в абстрактных терминах, достойны реактивных моральных установок; однако, поскольку они не могут заниматься моральными соображениями, они не будут квалифицироваться как моральные субъекты и, следовательно, не могут быть отнесены к моральной ответственности.

Единственными моральными агентами, участвующими в функционировании ИИ, остаются люди, стоящие за ним, которые несут ответственность за его цели, его модель функционирования, а также за сам выбор предоставить ему определенную степень автономии в определении того, как выполнять намеченные задачи [Dignum, 2020].

Мы считаем, что роботы должны быть квалифицированы как продукты: «артефакты, созданные человеческим дизайном и трудом с целью удовлетворения идентифицируемых человеческих потребностей. Поэтому, если робот нанесет какой-либо ущерб, должны применяться обычные правила ответственности за качество продукции.

Поскольку последнее основывается на идее, производитель должен нести ответственность, потому что, и до тех пор, пока он полностью контролирует особенности и действия продуктов [Bertolini, 2016]. Договорное право, как правило, позволяет полноценному автономному и сознательному человеку действовать – когда это узаконено либо законом, либо свободным выбором стороны – от имени и в интересах другого человека, немедленно изменяя его правовую сферу (например, агентность).

Аналогичным образом, деликтное право позволяет одной стороне быть привлеченной для возмещения ущерба, причиненного другим субъектом, находящимся под его надзором, который только иногда демонстрирует ограниченные возможности и осведомленность (например, несовершеннолетний ребенок), а в других случаях является столь же автономным, как и сама сторона, обязанная возместить ущерб (например, работник).

Независимо от сложности функционирования ИИ, поскольку оно выполняет те задачи, для которых оно было разработано, оно по-прежнему находится под контролем производителя или программиста: даже в случае технологий машинного обучения, таких как нейронные системы и генетические алгоритмы, непредсказуемость обучающего поведения не создает никакого фактического отсутствия контроля, но скорее требует, чтобы обучение и связанная с ним эволюция были включены в фазу разработки, чтобы продукт достиг рынка только тогда, когда предполагается, что он изучил или усовершенствовал навык безопасного функционирования. Если такой порог невозможно достичь, так что машина, кажется, не может развиваться предсказуемым образом, моральная и юридическая ответственность за причиненный ущерб по-прежнему лежит на производителе / программисте, который обязан не выпускать небезопасные продукты на рынок.

Итак, основная проблема, с которой приходится сталкиваться при обсуждении возможности приписывать робототехнике субъективность, агентность и ответственность, заключается в отсутствии ясности в определении характера аргумента, который может быть либо морально этическим, либо функциональным. Эти две парадигмы ведут, по сути, к расходящимся соображениям, и отсюда их всегда следует глубоко различать.

Методология

Методология, использованная в данном исследовании, заключается в применении методов синтеза, дедукции, обзора, сравнения.

Обсуждение

Выводы, сделанные в ходе теоретических прений, часто представляются неоднозначными, поскольку они, как правило, смешивают две отдельные точки зрения. Такое отсутствие ясности усугубляется постоянным – и в остальном полезным – обменом между юристами и философами, которые используют эти, казалось бы, похожие понятия с очень разными целями и концептуальными рамками.

Базовая юридическая проблема робототехники, заключается в вопросе – какими должны

быть руководящие начала и принципы, применяемые ко всем роботам или некоторым их категориям? Нужно ли законодательно фиксировать наличие у робота «черного ящика» и красной кнопки экстренного выключения, обеспечивать обязательный контроль со стороны человека? На бумаге эти принципы еще не утверждены, хотя в экспертном сообществе они активно обсуждаются, в том числе и в России [Не навреди..., www].

Для России урегулирование нового типа общественных отношений, в которых будет участвовать технологический элемент в виде разного рода киберфизических систем, роботов, объектов робототехники, искусственного интеллекта, аватаров и др. представляет собой первостепенную задачу в нынешних реалиях. Прежде чем сформулировать принципы правового регулирования робототехники, важно отметить тот факт, что несмотря на отсутствие легального определения искусственного интеллекта в законодательстве Российской Федерации, сам термин широко используется, что актуализирует его закрепление в нормативных правовых актах.

Вопрос определения содержания этих дефиниций в научной литературе является дискуссионным. В.В. Архипов и В.Б. Наумов полагают необходимым определять робототехнику как «совокупность общественных отношений, предметом которых являются производство, распределение и, немного перефразируя классическое определение экономики, использование автоматизированных технических систем» [Архипов, Наумов, 2017], поэтому законодательство, его регулирующее должно носить комплексный характер. В силу данного определения, они предлагают разделять две категории:

1. «Робот», определяемый как «устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека», и являющийся в силу данного обстоятельства объектом правоотношений.

2. «Робот-агент» выступающий в роли квазисубъекта, наделенного специальной правосубъектностью, т.к. он «предназначен по решению собственника и в силу конструктивных особенностей для участия в гражданском обороте, обладающий обособленным имуществом и отвечающий им по своим обязательствам, обладающий правом от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности» [там же].

А.А. Васильев и Д. Шпопер по этому поводу отмечают, что в первом случае искусственный интеллект понимается всего лишь как техническое средство с правовым режимом вещи, а во втором случае за ним признается статус электронного лица по аналогии с юридическим лицом «через использование приема правовой фикции». Однако такая трактовка не вполне отвечает самой сущности искусственного интеллекта, т.к. «квалификация искусственного интеллекта как объекта права не учитывает наличия некой субъектности – способности к мышлению и принятию самостоятельных решений. Во втором случае поднимается более глубокий вопрос мировоззренческого порядка: искусственный интеллект – это личность, подобная человеку» [Васильев, Шпопер, 2018].

В Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте «Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта» [Незнамов, Наумов, 2020], разработанной А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым, отмечается, что «роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, если это прямо установлено применимым законодательством». Однако авторы не определяют правовой статус таких «самостоятельных лиц».

Исходя из вышеизложенного, особое внимание следует уделить формулировке принципов правового регулирования исследуемой тематики.

На наш взгляд, в число этих принципов (помимо общеправовых, таких как гуманизм, законность, запрет дискриминации и стигматизации), должны войти основные начала правового регулирования, способные задать правильный вектор выстраиванию взаимодействия между двумя видами интеллектов.

Полагаем, первым, здесь должен стать принцип недопустимости причинения вреда человеку. Отметим, что этот принцип, опосредованно сформулировал еще в 1943 году в рассказе «Хоровод» [Азимос, 2019] Айзек Азимов, через свои три закона робототехники. Интересным фактом здесь является то, что эти законы дословно приведены со ссылкой на источник в пункте М введения к Докладу Европарламента с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права в области робототехники: «(1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить причинения вреда человеку. (2) робот должен подчиняться приказам, данным ему людьми, за исключением случаев, когда такие приказы противоречат Первому Закону. (3) робот должен защищать свое существование до тех пор, пока такая защита не противоречит Первому или Второму Законам (см. Runabout, I. Asimov, 1943) и (0) робот не может причинить вред человечеству или, бездействием, позволить человечеству прийти к вреду» [Draft report..., www].

Однако, в данном случае, следует учитывать то обстоятельство, что системы ИИ, уже нашли свое применение не только в гражданской, но и в военной сфере, что накладывает определенные ограничения на применимость указанного принципа.

Далее следуют принципы уважения человеческого достоинства и конфиденциальности, обусловленные тем, что частная информация о человеке может быть раскрыта через решения и прогнозы, сделанные ИИ, более того, от применения некоторых возможностей технологий на основе ИИ, может пострадать и человеческое достоинство, так как ИИ позволяет все более реалистичные фото, аудио и видео подделки, или «глубокие подделки», которые могут быть использованы для дискредитации граждан [Попова, Горохова, Азнагулова, 2019].

Принцип раскрытия информации о разработке, производстве и использовании роботов и искусственного интеллекта. Смысл данного принципа заключается в том, что разработчики, производители и участники хозяйственного оборота обязаны будут раскрывать информацию о количестве «умных роботов», которых они используют, об экономии средств, вносимых на социальное обеспечение за счет использования робототехники вместо человеческого персонала, об оценке суммы и доли доходов предприятия, полученных в результате использования робототехники и искусственного интеллекта.

Принцип автономности воли, который должен обеспечить возможность для граждан, принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с роботами. Данный принцип тесно связан с принципом информированного согласия, охватывающего, в данном случае, все аспекты преимуществ и возможных последствий взаимодействия с искусственным интеллектом, начиная от медицины, и заканчивая сферой развлечений. Граждане должны обладать правом отказаться от использования интеллектуальных технологий как в общественной, так и в частной сфере. Простого публичного уведомления об их использовании явно будет мало.

Особенного внимания требует внедрение и использование технологий, связанных с распознаванием эмоций, призванной определять такие аспекты, как испытываемые индивидом чувства, состояние его психического здоровья, «вовлеченность» сотрудников (студентов) в трудовой (образовательный) процесс.

Такие технологии, несмотря на то, что уже применяются, в том числе, и в России, не

подкреплены сколь ни будь серьезным и длительным научным исследованием, а по сему, их использование носит характер безответственного и неэтичного, а в худшем, такие псевдонауки, как френология и физиогномика.

Справедливость – принцип, предусматривающий справедливое распределение преимуществ, связанных с робототехникой и доступностью роботов. Правовое регулирование должно оцениваться с точки зрения того, способствуют ли они демократическому развитию и справедливому распределению благ ИИ или концентрируют власть и выгоды в определенных кругах.

Заключение

Борьба за технологическое лидерство в сфере искусственного интеллекта уже стала полем глобальной конкуренции, при этом, скорость создания новых продуктов и решений растет в геометрической прогрессии, в этой ситуации подготовка правового поля под новый тип правоотношений, включающий в себя искусственный интеллект, становится насущной необходимостью для всех государств, включая и Российскую Федерацию.

Наиболее важным аспектом правового регулирования в исследуемой сфере является формирование принципиальной основы этого процесса, то есть, агломерата принципов, способных заложить верную фундаментальную основу взаимодействия человека и умных машин.

Библиография

1. Азимов А. Я робот. М., 2019. 320 с.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. 6 (55). С. 46-62. <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
3. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. 2018. № 6 (104). С. 23-26.
4. Не навреди: семь проблем правового регулирования робототехники. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d65246a9a79474c7e708aec>
5. Незнамов А., Наумов В. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта. 2020. URL: <http://robopravo.ru>
6. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 37-43.
7. Balkin J.M. The Path of Robotic Law // Calif. L. Rev. 2015. (6). P. 45-60.
8. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. London, 1823. 325 p.
9. Bertolini A. Insurance and Risk Management for Robotic Devices: Identifying the Problems // Glob. Jurist. 2016. (16). P. 291-314.
10. Bertolini A. Robots and Liability – Justifying a Change in Perspective // Rethinking Responsibility in Science and Technology. 2014. P. 143-166.
11. Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Innovation Tech. 2013. (5). P. 214-247.
12. Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // Calif. L. Rev. 2015. (103). P. 513-563.
13. Dickson J. Ours Is a Broad Church: Indirectly Evaluative Legal Philosophy as a Facet of Jurisprudential Inquiry. Taylor & Francis, 2021. P. 207-230.
14. Dignum V. Responsibility and Artificial Intelligence // The Oxford Handbook of Ethics of AI. 2020. P. 215-231.
15. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) Committee on Legal Affairs. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf
16. Endicott T. Vagueness in Law. Oxford University Press, 2000. 217 p.
17. Finnis J. Natural Law Theories // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. 4 (7). P. 119-126.

18. Gert B., Gert J. The Definition of Morality // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. 4 (8). P. 76-84.
19. Green L., Adams T.A. Legal Positivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2019. 2 (3). P. 55-64.
20. Gutman M., Rathgeber B., Syed T. Action and Autonomy: A Hidden Dilemma in Artificial Autonomous Systems // Robo- and Informationethics. Some Fundamentals. LIT Verlag Münster, 2012. P. 231-256.
21. Hart L.A. The Concept of Law. Oxford University Press, 2012. 221 p.
22. Haselager W.F. Robotics, Philosophy and the Problems of Autonomy // P&C. 2005. (13). P. 515-532.
23. Krakman R. et al. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. Oxford University Press, 2017. 110 p.
24. Kurki V. A Theory of Legal Personhood. Oxford University Press, 2019. 327 p.
25. Lanzarone G.A., Gobbo F. Is Computer Ethics Computable? // Conference Proceedings of ETHICOMP 2008: Living, Working and Learning beyond Technology. 2008. P. 530-543.
26. Marmor A., Sarch A.S. The Nature of Law // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2019. 2 (5). P. 110-129.
27. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press, 2009. 174 p.
28. Toulmin S. The Uses of Arguments. Cambridge University Press, 1964. 306 p.
29. Waldron J. Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues // Calif. L. Rev. 1994. (82). P. 509-515.

Basic principles of legal regulation and ethical standardization of the processes of development, implementation and operation of robotics

Dar'ya M. Matveeva

Postgraduate,
Institute of Law of Vladivostok State University,
690014, 41, Gogolya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: dm_552.snow@mail.ru

Abstract

Law and morality are two normative systems that control and regulate social behavior, which can be formulated as at least partially independent. In a legal system, positive and enforceable standards of behavior guide the community, preventing conflict and encouraging desirable behavior, and offer second-order criteria for identifying, modifying, and enforcing said rules. On the contrary, morality consists of those principles that society considers appropriate for distinguishing between right and wrong, and offers a code of conduct that is valid regardless of what is legally accepted. The ultimate relationship between these two areas is one of the oldest and most fundamental questions in jurisprudential studies. Subject of study: the fundamental basic principles of robotics regulation. The purpose of the work: formulating the basic principles of legal regulation and ethical regulation of the processes of development, implementation and operation of robotics. The methodology: reviewing scientific papers, comparing scientific approaches to the area under study and systematizing the conclusions and results obtained in the course of studying these papers. The results of the work are in the formulation of the fundamental principles necessary to create a legal framework that regulates this area. The scope of the results is in the field of regulation of robotics, artificial intelligence. The most important aspect of legal regulation in the area under study is the formation of the fundamental basis of this process, that is, an agglomeration of principles that can lay the right fundamental basis for the interaction between humans and smart machines.

For citation

Matveeva D.M. (2023) Osnovnye printsipy pravovogo regulirovaniya i eticheskogo normirovaniya protsessov razrabotki, vnedreniya i ekspluatatsii robototekhniki [Basic principles of legal regulation and ethical standardization of the processes of development, implementation and operation of robotics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (1A-2A), pp. 229-239. DOI: 10.34670/AR.2023.37.28.030

Keywords

Regulation of robotics, principles of regulation of robotics, features of legal regulation of robotics, robotics, law.

References

1. Arkhipov V.V., Naumov V.B. (2007) Iskusstvennyi intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike [Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first Russian law on robotics]. *Trudy SPIIRAN* [Proceedings of the St. Petersburg Institute of Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences], 6 (55), pp. 46-62. <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>
2. Azimov A. (2019) *Ya robot* [I, Robot]. Moscow.
3. Balkin J.M. (2015) The Path of Robotic Law. *Calif. L. Rev.*, 6, pp. 45-60.
4. Bentham J. (1823) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London.
5. Bertolini A. (2016) Insurance and Risk Management for Robotic Devices: Identifying the Problems. *Glob. Jurist*, 16, pp. 291-314.
6. Bertolini A. (2014) Robots and Liability – Justifying a Change in Perspective. In: *Rethinking Responsibility in Science and Technology*.
7. Bertolini A. (2013) Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules. *Innovation Tech*, 5, pp. 214-247.
8. Calo R. (2015) Robotics and the Lessons of Cyberlaw. *Calif. L. Rev.*, 103, pp. 513-563.
9. Dickson J. (2021) *Ours Is a Broad Church: Indirectly Evaluative Legal Philosophy as a Facet of Jurisprudential Inquiry*. Taylor & Francis.
10. Dignum V. (2020) Responsibility and Artificial Intelligence. In: *The Oxford Handbook of Ethics of AI*.
11. *Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) Committee on Legal Affairs*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf [Accessed 12/12/2022]
12. Endicott T. (2000) *Vagueness in Law*. Oxford University Press.
13. Finnis J. (2020) Natural Law Theories. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 4 (7), pp. 119-126.
14. Gert B., Gert J. (2020) The Definition of Morality. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 4 (8), pp. 76-84.
15. Green L., Adams T.A. (2019) Legal Positivism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2 (3), pp. 55-64.
16. Gutman M., Rathgeber B., Syed T. (2012) Action and Autonomy: A Hidden Dilemma in Artificial Autonomous Systems. In: *Robo- and Informationethics. Some Fundamentals*. LIT Verlag Münster.
17. Hart L.A. (2012) *The Concept of Law*. Oxford University Press.
18. Haselager W.F. (2005) Robotics, Philosophy and the Problems of Autonomy. *P&C*, 13, pp. 515-532.
19. Krakman R. et al. (2017) *The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford University Press.
20. Kurki V. (2019) *A Theory of Legal Personhood*. Oxford University Press.
21. Lanzarone G.A., Gobbo F. (2008) Is Computer Ethics Computable? In: *Conference Proceedings of ETHICOMP 2008: Living, Working and Learning beyond Technology*.
22. Marmor A., Sarch A.S. (2019) The Nature of Law. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2 (5), pp. 110-129.
23. *Ne navredi: sem' problem pravovogo regulirovaniya robototekhniki* [Do no harm: seven problems of legal regulation of robotics]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d65246a9a79474c7e708aec> [Accessed 12/12/2022]
24. Neznamov A., Naumov V. (2020) *Model'naya konventsiya o robototekhnike i iskusstvennom intellekte*. *Pravila sozdaniya i ispol'zovaniya robotov i iskusstvennogo intellekta* [Model Convention on Robotics and Artificial Intelligence. Rules for the creation and use of robots and artificial intelligence]. Available at: <http://robopravo.ru> [Accessed 12/12/2022]
25. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. (2019) Teoretiko-pravovye podkhody k opredeleniyu sistemy printsipov zakonodatelnogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta na sovremennom etape razvitiya pravovogo gosudarstva [Theoretical and legal approaches to determining the system of principles of legislative regulation of

-
- artificial intelligence at the present stage of development of the rule of law state]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Lawful state: theory and practice], 3 (57), pp. 37-43.
26. Raz J. (2009) *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. Oxford University Press.
27. Toulmin S. (1964) *The Uses of Arguments*. Cambridge University Press.
28. Vasil'ev A.A., Shpopov D. (2018) Iskusstvennyi intellekt: pravovye aspekty [Artificial intelligence: legal aspects]. *Izvestiya AltGU* [AltSU News], 6 (104), pp. 23-26.
29. Waldron J. (1994) Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues. *Calif. L. Rev.*, 82, pp. 509-515.